

Институт истории Академии наук
Эстонской ССР

На правах рукописи

Суни Лев Вальтерович

ОЧЕРК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ФИНЛЯНДИИ в 50-70-е гг. XIX в.

Специальность 07.00.02 - история СССР

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Таллин

1980

Институт истории Академии наук
Эстонской ССР

На правах рукописи

Суни Лев Вальтерович

ОЧЕРК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ФИНЛЯНДИИ в 50-70-е гг. XIX в.

Специальность 07.00.02 - история СССР

АВТОРЕФЕРАТ

диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Таллин

1980

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Официальные оппоненты:

Член - корреспондент АН ЭССР, доктор исторических наук, профессор Х.И.МОСБЕРГ,

Доктор исторических наук, профессор Н.П.ЕРОШКИН,

Доктор исторических наук А.М.ТРААТ.

Ведущее учреждение - Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

Защита состоится *16 октября* 198*9* г. в *15* часов на заседании специализированного совета ОИ7.06.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории АН Эстонской ССР (20С101, Таллин, бульвар Эстония, 7).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Академии наук Эстонской ССР.

Автореферат разослан *15 сентября* 198*9* г.

Ученый секретарь *Э.А. Янсен* Доктор исторических наук Э.А. ЯНСЕН.
специализированного совета

108003к

БИБЛИОТЕКА
Карельского филиала
Академии наук СССР

В качестве докторской диссертации к защите представлена опубликованная в 1979 г. монография "Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50-70-е гг. XIX в.", выполненная в секторе истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Представляемая работа подводит итог многолетним изысканиям автора по истории Финляндии и русско-финляндским отношениям второй половины XIX в.

Общая характеристика работы.

Предмет и задачи исследования.

Названная работа представляет собой многоплановое исследование, в котором анализируется общественное развитие Финляндии в связи с ее политической историей и состоянием русско-финляндских отношений на протяжении 50-70-х гг. XIX в. Указанный период был временем становления капитализма в экономике Финляндии, сопровождавшегося разрушением патриархальной замкнутости финляндской деревни и втягиванием подавляющей массы населения в орбиту буржуазных производственных отношений. На эти десятилетия приходится проведение ряда реформ, затронувших широкую сферу экономической, государственно-административной и общественной жизни Финляндии. Новые мировоззренческие концепции были тем идейным знаменем, под которым развертывалась борьба против феодальной идеологии. Именно в этот период зарождаются основы финляндских политических партий и закладываются начала парламентаризма, который играл заметную роль в общей структуре государственной власти на протяжении последующей истории Финляндии.

Комплексное исследование вопросов внутренней жизни Финляндии имеет особое значение для изучения общественного движения, уяснения его органической связи с социально-экономическими и политическими сдвигами, что позволяет более углубленно проанализировать содержание и эволюцию различных общественно-политических течений в рассматриваемый период времени. В условиях Финляндии их конкретная история в значительной мере была связана с подъемом финского национального дви-

жения, которое, как и всегда, являлось продуктом исторической эпохи, характеризовавшейся окончательной победой капитализма над феодализмом.¹ Определяя расстановку партийных сил и характер взаимного противоборства, процесс формирования финской буржуазной нации был вместе с тем неразрывен со стремлением молодой финляндской буржуазии к укреплению "своей" государственности, которая облекалась в форму автономного статуса. С другой стороны резкое финско-шведское противостояние дало царизму возможность активно вторгнуться в сферу национальной борьбы и использовать фенноманию для ослабления проскандинавской ориентации в политическом развитии Финляндии. Взаимосвязанное изучение всех этих проблем позволяет рассмотреть не только общие закономерности перехода Финляндии к новому строю, но и выявить специфику этого процесса, обусловленную во многом особенностями исторического прошлого страны и финляндской политикой самодержавия.

В связи с этим задача настоящего исследования заключалась в том, чтобы на широком фоне социально-экономического развития и буржуазных преобразований проанализировать содержание общественно-политической борьбы в Финляндии на протяжении 50-70-х гг. XIX в.; рассмотреть основы финляндской политики самодержавия и, выявив ее связь с конкретными проявлениями этой борьбы, подчеркнуть вынужденный характер уступок в пользу финляндской автономии, определявшихся состоянием международных позиций царизма и силой общественного натиска.

Методологическая основа работы.

Методологической основой исследования послужили произведения классиков марксизма-ленинизма, которые имеют не только общетеоретическое значение при изучении вопросов, связанных со становлением капиталистического способа производства и победой буржуазных отношений, но и содержат конкретные характеристики общественно-политического развития России и

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.25, с.258.

Финляндии в рассматриваемый период времени.

К. Маркс и Ф. Энгельс, являвшиеся современниками событий, особое внимание уделили месту и роли Финляндии в военных и политических планах царского правительства и западных государств в годы Крымской войны, подчеркнув первостепенную стратегическую роль Финляндии в обеспечении безопасности русской столицы. В работах В. И. Ленина, который неоднократно обращался к проблемам Финляндии и русско-финляндских отношений, исследователь находит принципиальную характеристику финляндской политики самодержавия, анализ ее глубинных причин и оценку общественно-политической ситуации в Финляндии как одного из факторов, содействовавших кризису самодержавия на рубеже 50-60-х гг. XIX века. Эти высказывания имеют особую ценность для уяснения всего комплекса русско-финляндских отношений, позволяют понять скрытые мотивы конкретных проявлений финляндского курса царизма как в условиях кризисов, так и в периоды стабилизации его внутренних и международных позиций. Важное значение для данного исследования имел ленинский анализ внутренней политики царизма, причин и сущности буржуазных реформ, а также теоретические положения по национальному вопросу и характеристика национальной политики самодержавия.

Источники.

Настоящее исследование выполнено на основе широкого круга архивных и опубликованных материалов. В работе использованы документы Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР), Центрального военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), характеризующие прежде всего политические аспекты финляндского курса царизма. В этом плане наибольшую ценность представляют многочисленные материалы III отделения (ф. 109, ЦГАОР), которые дают представление о том, сколь внимательно высшие сферы центральной власти (включая Николая I и Александра II) следили за развитием политической ситуации в Финляндии на протяжении 50-70-х гг. XIX в. В фонде имеются самые разнообразные сведения о "состоянии умов",

о существовании тайной корреспондентской сети, о влиянии прессы на общественное мнение, о настроениях студенческой молодежи и проводимой ей антиправительственной пропаганде. Количество информации заметно выросло в годы кризисных ситуаций (польское восстание, датско-прусская война, русско-турецкая война 1877-1878 гг.), в связи с чем царизм опасался высадки польских инсургентов на южном побережье Финляндии, усиления в ней проскандинавских настроений и общего ослабления собственных позиций в княжестве. Предметом особого беспокойства правительственных кругов был вопрос о финляндском сейме, созыв которого, как свидетельствуют документы департамента полиции, "должен был вывести страну из нынешнего брожения". В связи с этим представляют интерес оценки о деятельности январской комиссии, о расстановке партийных сил, о влиянии сейма на общественное мнение Финляндии. В фондах департамента полиции имеется большое количество переведенных на русский язык газетных статей, в том числе и работа И.Снелльмана "Война или мир для Финляндии". В ЦГВИА отложились дела о военно-стратегических аспектах финляндской политики царизма и проведении в княжестве военной реформы. В ЦГИА выявлен важный для понимания сущности проводившегося самодержавием курса на северо-западной окраине империи документ "Об общем направлении русской государственной политики в Финляндии", а также материалы, характеризующие позицию правительственных кругов в связи с подготовкой сеймовой реформы. Особую ценность для проведения исследования имели документы Государственного архива Финляндии, где сосредоточен огромный материал, относящийся к непосредственному управлению Великим княжеством Финляндским. Из фондов генерал-губернатора, министра статс-секретаря, коллекции "государственных дел" и ряда личных собраний были использованы документы, относящиеся к деятельности сейма, комиссии Норденстама, всевозможные проекты и петиции в связи с подготавливавшейся сеймовой реформой. В фондах архива отложилась переписка генерал-губернатора, хранятся черновики различных деловых бу-

маг, имеются сведения об отношении представителей высшей власти к буржуазным реформам в Финляндии и т.д. Эти материалы важны прежде всего своими оценками политического положения в княжестве, всевозможными планами, направленными на пресечение неблагоприятных для царизма тенденций развития на национальной окраине. Позволяя проникнуть за кулисы принимавшихся решений, и сопоставленный с иными имеющимися в распоряжении историков данными, архивный материал свидетельствует о том, что в своих наиболее существенных проявлениях финляндская политика самодержавия формировалась под воздействием стратегических и политических факторов, вынуждавших царские власти проводить в непосредственной близости от Петербурга курс, заметно отличавшийся от политики на иных национальных окраинах империи.

Опубликованные источники, использованные в настоящем исследовании, носят многоплановый характер. По социально-экономическому развитию обильные сведения содержат издания "Официальной статистики Финляндии", среди которых следует выделить обзоры экономического положения страны по пятилетиям, статистику лесного хозяйства, торговли и мореплавания. Сведения о лесопилении, бумажном производстве, машиностроении почерпнуты из серии статистических сборников, изданных Г.Р.Снелльманом, а о состоянии торговых оборотов - в "Обзорах внешней торговли России" за соответствующие годы. Документальные публикации О.Килпи содержат обширную статистику об изменениях в структуре самодельного населения Финляндии в связи с развитием капиталистических отношений.

Отдельную группу источников составляет многотомная серия "Материалов...",^I которая была издана царским правитель-

^I Материалы по вопросу о денежном обращении в Великом княжестве Финляндском. СПб., 1900; Материалы по вопросу об устройстве денежной и банковской систем в Финляндии. СПб., 1905; Сборник материалов по составлению и пересмотру устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899; Материалы по вопросу о воинской повинности в Великом княжестве Финлянд-

ством в начале XX века в связи с планировавшейся ликвидацией финляндского автономного статуса. В них нашла документальное отражение история проведения военной и финансовой реформы в Финляндии, усилия по внедрению русского языка, подвергнуты детальному сопоставлению государственно-правовые структуры империи и княжества. К этому же кругу источников можно отнести и документы, опубликованные в связи с пересмотром русско-финляндских таможенных отношений. Тексты официальных актов царского правительства, относившихся к Финляндии, взяты из "Сборника постановлений Великого княжества Финляндского" за соответствующие годы.

Многотомные сочинения И.Снелльмана и И.Коскинена¹ явились важным источником для характеристики общественной мысли Финляндии рассматриваемого периода. В этом огромном публицистическом наследии отразились мировоззренческие концепции, политические взгляды лидеров национального движения, их оценка конкретных событий в историческом развитии страны. Анализ этого материала имел первостепенное значение для уяснения идеологии финского национального движения, определявшего наиболее существенные стороны общественной жизни Финляндии 50-70-х гг., изучения его политических доктрин, тесно переплетавшихся с такими вопросами как отношение к царизму, выбор тактических средств борьбы, размежевание сил внутри фенноманского лагеря. Свидетельства современников, запечатленные в дневниках и воспоминаниях, составили органическую часть того круга источников, который был использован для исследования общественных процессов в Финляндии. Дневниковые записи П.А.Валуева и А.В.Никитенко² дали ценные све-

ском. 1905; Материалы по вопросу о введении русского языка в Финляндии. СПб., 1905 и др.

¹ Snellman J.V. Koottut teokset. I-XII. Porvoo, 1928-1932. Koskinen Y. Kansallisia ja yhteiskunnallisia kirjoituksia. I-IV. Helsinki, 1904 - Tampere, 1935.

² Дневник П.А.Валуева. 1861-1864. Т.1, М., 1961. Никитенко А.В. Записки и дневник. 1804-1877. Т.П. СПб., 1905.

дения о том резонансе, который имели финляндские события 60-х гг. в высших петербургских сферах. Мемуары А.Шаумана, Ф.Лагуса, А.Меурмана, Э.Сетэля, И.Даниельсона-Калмари, Т.Рейна¹, характеризуют настроения общественных кругов в рассматриваемые десятилетия, позицию финноманского руководства по отношению к царской администрации, его сеймовую политику, эпизоды фракционной борьбы внутри национального лагеря, ценны не только малоизвестными страницами рассматриваемых событий, но и тем, что зачастую позволяют уяснить их скрытый смысл и мотивы, которыми руководствовались в своих поступках те или иные общественные деятели Финляндии. В этом же плане представляет интерес и опубликованная переписка некоторых из них².

Ряд материалов, проливающих свет на проблемы скандинавизма, отношение царской администрации к финскому национальному движению, на политические доктрины финляндского либерализма почерпнут из документальных публикаций В.Васениуса, О.Борга, "Литературного наследства".³ Из финских периоди-

¹ Schauman Aug. Kuudelta vuosikymmeneltä Suomessa. Muistoja elämän varrelta. II. Jyväskylä, 1926; Lagus F. Muistelmia ja kuvauksia kieli- ja taistelunajoista. Porvoo, 1924; Meurman A. Muistelmia. I. Helsinki, 1909; Setälä E.N. Muistelmia Valvojasta. - Valvoja-Aika. 1931; Danielson-Kalmari J.R. Valvojan lähtö taipaleelle. - Valvoja Aika, 1931; Rein Th. Muistelmia elämän varrelta. I. Helsinki, 1918.

² Blomstedt K. Ajatustenvaihtoa kansallisista ja teeteellisistä kysymyksistä. O.Puruhjelmin, J.Snellmanin, Y.Koskisen ja E.Palmenin kirjeitä 1850-80-luvuilla. - Historiallinen Arkisto, 40, 1935; Hirn H. Några brevutdrag kring lantdagen 1863-1864. - SSLF, 330, 26, 1950.

³ Vasenius V. Snellman ja suomalaisuus kreivi Bergin silmillä katsottuna. - Valvoja-Aika, 1923; Borg O. Suomen puolueet ja puolueohjelmat. 1880-1964. Helsinki, 1965. Три вопроса. - Литературное наследство. Т.61, М., 1953; Письмо Н.Огарева Э.Квантену. - Там же, Т.63, М., 1956; Материалы для биографии Бакунина. Т.П. М.-Л., 1933.

ческих изданий наибольшую ценность для настоящей работы имел журнал "Kirjallinen Kuukauslehti" и особенно "Valvoja", статьи которого важны для изучения центробежных процессов в Финномании, для характеристики социально-экономических и политических взглядов либерального крыла финского национального движения.

Литература.

Обширная дореволюционная публицистика по финляндскому вопросу представляет интерес для современного исследователя прежде всего как источник по изучению общественного мнения России в связи с финляндской политикой царизма. Увидевшая свет в основном в конце XIX- начале XX вв., эта литература в своей значительной части была призвана обосновать и поддержать усилия самодержавия, направленные к ликвидации финляндского автономного статуса. Эта же цель преследовалась и теми работами по истории Финляндии, которые вышли из-под пера К.Ордина, М.Бородкина, Ф.Еленева, В.Александрова и некоторых других авторов¹. Оценивая буржуазные реформы в Финляндии, которые привели к укреплению государственно-правовых начал финляндской автономии как роковую ошибку царствования Александра II, дворянско-монархическая литература усматривала основную причину неблагоприятных для центральной власти перемен в "интриге и злонамеренных кознях" со стороны финляндцев. Такая трактовка политического развития 60-70-х гг. тесно переплеталась с негативным отношением к общественным и национальным процессам в Финляндии, поскольку они, по утверждению упомянутых авторов, со своей стороны содействовали отдалению княжества от империи. Подобная концепция, являясь наиболее характерной для работ дворянско-монар-

¹ Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. СПб., 1908-1909. Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра II. СПб., 1908; его же. Справки о "конституции" Финляндии. СПб., 1900; Абов Г. Финский патриот Снелльман и "возрождение" финской национальности. - Наблюдатель, 1900, № 2, с.65-80; Александров В. Происхождение фин-

хического лагеря, квалифицировала политику царизма по уничтожению финляндской автономии как торжество исторической справедливости.

Советская историческая наука имеет определенные достижения в изучении социально-экономического развития Финляндии XIX в. В монографиях А.С.Жербина, И.М.Бобович, Г.Д.Корнилова, А.П.Лайдинена¹ подвергся анализу процесс становления капитализма в промышленности Финляндии; и зарожде-ния рабочего класса, рассмотрена динамика русско-финляндской торговли и эволюция таможенных отношений. Но внутри-политическая история страны, буржуазные реформы, общественная мысль и национальное движение не были предметом исследования советских историков. Работы Л.А.Лооне, Е.Л.Рудницкой, Э.Г.Карху² затрагивают проблемы скандинавизма, значение которого было, однако, ограничено узкими хронологическими рамками рубежа 50-60-х гг., тогда как книга В.В.Похлебкина³, излагающая 260-летнюю историю отношений на-

ляндского устава о воинской повинности 1878 г. - там же, № 7, с.64-103; Еленев Ф. Как проведен был финляндцами устав 1878 г. о воинской повинности. СПб., 1896 и др.

¹ Жербин А.С. Формирование промышленного пролетариата в Финляндии во второй половине XIX в. Л., 1963; Бобович И.И. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968; Корнилов Г.Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX- начале XX в. Л., 1971; Лайдинен А.П. Развитие капитализма в промышленности Финляндии. Л., 1979.

² Лооне Л.А. О связях А.И.Герцена и Н.П.Огарева с Финляндией. - Скандинавский сборник, Таллин, 1970, т.15; Рудницкая Е.Л. Новые материалы о связи редакции "Колокола", Михаила Бакунина с финским национально-освободительным движением. - Вопросы истории, 1967, № 12; Карху Э.Г. Финляндская литература и Россия. 1850-1900. Л., 1964, с.24-47.

³ Похлебкин В.В. СССР-Финляндия. М., 1975.

шей страны с Финляндией, во многом фрагментарна.

Финляндская историография проблемы стала рождаться уже в начале XX в. В условиях сохранявшегося финско-шведского противостояния тематика исследований была связана преимущественно с изложением истории борьбы за равноправие финского языка, развитие культуры и просвещения, появляются первые обстоятельные описания жизни и деятельности И.Снеллмана и А.Меурмана¹. Эта проблематика остается господствующей и на следующем этапе развития финляндской историографии, который был связан со становлением в ней так называемой "национально-государственной" школы, занимавшей ведущие позиции с начала 20-х гг. до окончания второй мировой войны. Работы А.Анттила, В.Хотэнена, Х.Лехмусто, Л.Пунтила, П.Вирккунена и др.², написанные в духе ярко выраженного буржуазного национализма, являлись органической частью той общей идейной атмосферы, которая господствовала в стране в 20-40-е гг.

¹ Danielson-Kalmari J.R. J.V.Snellman. Hänen merkityksensä Suomen kansalle. Porvoo, 1911; Nyttönen V. Suomalaisista sivistystaisteluista 1850-1900. Helsinki, 1908; Palmén E.G. Agathon Neuman. - Oma maa, V. Porvoo, 1910; Rein Th. Juhana Vilhelm Snellmanin elämä. I-II. Helsinki, 1904-1905.

² Anttila A. Kansallinen herääminen ja kielitaisvelu. - Suomen kulttuurihistoria. IV. Jyväskylä, 1936; Nyttönen V. 1) Suomen kansallisuusoloista. - Suomi ja suomalainen sivistys. Porvoo, 1919; 2) Suomen kielen yhteiskunnallinen asema eri aikoina. - Ibidem; 3) Suomen kansallisen heräämisen vuosisata. Helsinki, 1933; Lehmusto H. 1) J.V.Snellman ja hänen asemansa Hegelin koulukunnassa, Helsinki, 1923; 2) J.V.Snellman ja suomalaisuus. Helsinki, 1935; 3) Suomalaisuuden historiaa. - Suomalaisuuden kirja. Helsinki, 1936; Puntila L. Ruotsalaisuus Suomessa. Helsinki, 1944; Virkkunen P. Agathon Neuman. I-II. Helsinki, 1935-1938.

нашего столетия. Вместе с тем в эти десятилетия финские исследователи обращаются и к изучению собственно политической истории Финляндии второй половины XIX в., ее автономных институтов, тех течений общественной мысли, которые могли бы поддержать официальные идеологические концепции об извечном противоборстве России и Финляндии¹. Преодоление концепций "национально-государственной" школы характерно для современного состояния финской исторической науки, развитие которой отмечено разнообразием методологических направлений, время от времени сталкивающихся между собой в острых дискуссиях по теоретическим проблемам исторического знания.

Применительно к настоящему исследованию представляют особый интерес работы К.Корхонена, М.Клинге, О.Юссилы, Ю.Паасивирты, О.Турпейнена², поскольку они наиболее после-

¹ Nytönen V. Talonpoikaissäädyn historia Suomen valtiopäivillä. Helsinki, 1923; Nordenstreng S. Porvarissäädyn historia Suomen valtiopäivillä. Helsinki, 1920; Österbladh K. Pappissäätö Suomen valtiopäivillä. Helsinki, 1933; Krusius-Ahrenberg L. Kenraalikuvernööri kreivi Berg. Helsinki, 1935; Liakka N. Valtiollinen uudestautuminen 1860-luvun alussa. Helsinki, 1930. Suolahti G. Vanhempi fennomania ja Suomen itsenäisyyden aatte. Turku, 1921; Voionmaa V. Eduskunnallinen elämä Aleksanteri II aikana. Helsinki, 1930 и др.

² Korhonen K. 1) Kansallisvaltiollinen linja. - Suomen ulkopolitiikan kehityslinjat. 1809-1966. Helsinki, 1966; 2) Autonomous Finland in the Political Thought of 19-th century Russia. Turku, 1968; Klinge M. 1) Ylioppilaskunnan historia. I-III. Helsinki, 1968; 2) Bernadotten ja Leninin välissä. Helsinki, 1975; 3) Vihan veljistä valtiososialismiin. Helsinki, 1972; 4) Suomen kansallisuusliikkeiden sosiaalisista suhteista. HAIK, N 3, 1969; Jussila O. Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tulkintojen mukaan. 1808-1863. Helsinki, 1969; Paasivirta J. Suomi ja Eurooppa.

довательны в отрицании узконациональных позиций довоенной историографии. В этом же контексте следует отметить появление первых (пока немногочисленных) марксистских работ Р.Пальмгрена, Ю.Маннинена, Ю.Гронова, Т.Косте и др., посвященных особенностям развития капиталистических отношений в Финляндии, анализу философской мысли страны во второй половине прошлого столетия. Многотомные труды по истории Финляндии, ее представительных учреждений и экономики полезны прежде всего своим огромным фактическим материалом¹, тогда как в создании общей картины исторического развития, в выявлении его закономерностей, а следовательно и в трактовке внутренней природы общественных и политических процессов рассматриваемого периода буржуазная историография остается в целом на идеалистических позициях.

Актуальность и научная новизна работы.

Всестороннее изучение генезиса капитализма, являясь одной из основных задач советской исторической науки, предполагает неизменное внимание исследователя к закономерностям и особенностям этого сложного, противоречивого процесса. Особое значение при этом имеет сопоставительный анализ конкретных форм перехода к буржуазному общественному устройству, что содействует выявлению общего и специфического, углубляет наши представления о проблеме в целом. Рассмотрение этих вопросов на историческом опыте Финляндии представляет несомненный научный интерес, поскольку входившее с 1809 г. в состав России Великое княжество Финляндское, развиваясь на протяжении XIX в. при ее возрастающем влиянии на все стороны хозяйственной и политической жизни, сохраняло в то же время в своей государственно-правовой, админи-

Helsinki, 1972; Turpeinen O. Tsaristisen Venäjän hallinto-konstitio ja yhteiskunta. HAik, N 1, 1975.

¹ Suomen kansan edustuslaitoksen historia. III-IV. Helsinki, 1964-1974; Suomen historian lähtökohdat. I-II. Helsinki, 1949; Kansakunnan historia. I-VII. Helsinki, 1967-1974 и др.

стративной и экономической структуре многие элементы, унаследованные еще со времени шведского владычества. Исследование этого совершенно своеобразного положения, которое занимала Финляндия в рамках Российской империи, позволяет вместе с тем уяснить основы финляндской политики царизма и ее конкретные проявления, а также влияние на общественно-политические процессы в княжестве. Этот анализ дает возможность противопоставить марксистско-ленинскую методологию исследования дворянско-монархической и буржуазной историографии, в которой не преодолены концепции об изначальном противостоянии русского и финского народов, ставится знак равенства между царизмом и остальной Россией, финляндская политика самодержавия объясняется личным благоволением монархов к Финляндии, а ее история излагается без должного учета социально-экономического и политического развития в сопредельных странах.

Являясь первым исследованием в советской историографии по названной проблеме, настоящая диссертация впервые освещает ряд узловых проблем исторического прошлого Финляндии XIX в. К ним относится история буржуазных реформ, затронувших широкую сферу экономической, административной и политической жизни княжества и трактуемых, при всем их своеобразии, как составная часть аналогичных преобразований в России. В связи с их проведением дается подробная характеристика внутренней обстановки, того "недовольства в Финляндии"¹, которое было квалифицировано В.И. Лениным как один из элементов революционной ситуации рубежа 50-60-х гг., рассматривается отношение царизма к плану дворянско-буржуазных кругов княжества по укреплению и расширению его автономного статуса. Особое внимание в диссертации уделено совершенно не изученным в советской исторической науке проблемам финского национального движения, в значительной мере определявшего содержание общественной жизни Финляндии во второй половине XIX в. В работе дается подробный анализ его идеологии, про-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.5, с.29-30.

граммы и тактики, которые не только тесно переплетались с внутренней межпартийной борьбой, но и формировали позицию фенноманского руководства по отношению к царизму. В свою очередь обозначаются те пределы, в рамках которых самодержавие было готово использовать фенноманию для пресечения неблагоприятных для него, проскандинавских тенденций в политическом развитии Финляндии.

Исследование этих проблем при постоянном внимании к эволюции самого национального движения, к изменению в нем соотношения между прогрессивными и консервативными сторонами, с учетом конкретно-исторической обстановки в Финляндии и России, позволяет решить принципиально важные вопросы его периодизации и предотвратить тем самым абсолютизацию тех или иных сторон политической программы фенномании.

Апробация работы и возможности ее практического использования.

Представляемая к защите монография неоднократно обсуждалась по частям и в целом на заседаниях сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, результаты исследования были изложены на заседании Ученого Совета Института языка, литературы и истории названного филиала. С докладами по проблемам диссертации автор неоднократно выступал на Всесоюзных конференциях по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии, а также на советско-финских симпозиумах историков (Москва, 1974 г., Ленинград, 1977 г.).

Результаты исследования, материал монографии и опубликованных статей используются в специальных лекционных курсах, читаемых по истории Финляндии в Петрозаводском государственном университете им. О.В.Куусинена. Они могут найти применение при составлении учебных пособий, при подготовке к изданию обобщающего академического труда "История Финляндии", а также стать отправным элементом для дальнейшего углубленного изучения отдельных вопросов общественного и политического развития Финляндии.

Содержание работы.

Объем и структура. Монография объемом 13,8 п.л. состоит из введения, трех глав, заключения и именного указателя. Хотя работа посвящена общественно-политической истории Финляндии 50-70-х гг. XIX в., тем не менее в первой главе дается сжатый очерк развития капитализма в экономике Финляндии. Эта глава, имея отнюдь не вводное значение, необходима для углубленного понимания проведенных буржуазных преобразований, отношения различных партийных группировок к социальным проблемам, порожденным развитием капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, для уяснения экономической основы укреплявшегося политического сепаратизма местной буржуазии. Хронологические рамки работы соответствуют принятой в советской историографии периодизации истории России, основные этапы которой определяют и периодизацию исторического развития Финляндии на протяжении второй половины XIX в.

Введение. Наряду с обоснованием темы и хронологических рамок исследования во введении очерчивается круг вопросов, подлежащих первоочередному изучению. Особое внимание уделено теоретическим проблемам формирования буржуазной нации, поскольку этот процесс вбирает в себя наиболее существенные стороны социально-экономического и политического развития общества. Во введении приводится характеристика финского национального движения и его особенностей во второй половине прошлого столетия, предопределенных своеобразием конкретно-исторической обстановки. Дается сжатый обзор архивных фондов и их значения для проведенного исследования, приводится общая оценка состояния отечественной и зарубежной историографии проблемы.

Глава I. Развитие капитализма в экономике Финляндии в XIX в.

В главе отмечается, что вхождение Финляндии в состав Российского государства привело к коренному изменению условий ее хозяйственной жизни. Территория Финляндии перестала быть ареной беспрестанных русско-шведских войн и конфликтов, приносивших стране разорение и потерю трудоспособного населения. Развиваясь в условиях длительного мира, финляндская экономика была освобождена от бремени военных расходов и содержания воинских формирований, бюджет финляндского княжества не сливался с имперским, прогресс ряда отраслей промышленности происходил в значительной мере в условиях благоприятной конъюнктуры огромного российского рынка.

Становление капитализма рассматривается на материале текстильной, железоделательной, лесопильной и деревообрабатывающей отраслей промышленности. Их удельный вес и значение в общей структуре финляндской экономики на разных этапах ее развития был неодинаков. Экономическая политика местного сената в первой половине XIX в. исходила из признания ведущей роли металлургии. Именно она, а не лесопиление, считалась основой национальной экономики. Данная концепция, унаследованная со времени вхождения Финляндии в состав шведской монархии, оказала огромное влияние на экономическое законодательство первой половины столетия. В интересах горнозаводчиков были сохранены старые шведские законы, ограничивавшие строительство лесопилен, объем ежегодных вирубок леса и т.д. Эти меры должны были обеспечить потребности горнодобывающей промышленности в лесных массивах, необходимых для выжигания древесного угля. История финляндского законодательства о лесе — это в значительной мере история борьбы двух групп нарождавшегося класса буржуазии: горнозаводчиков, которые во многом были связаны с мануфактурной стадией производства, имели сильные позиции среди дворянско-бюрократических сил страны и лесопромышленников, олицетворявших собой молодую поднимающуюся

буржуазии нового времени. Экономическая политика властей, сдерживая развитие лесопиления и деревообработки, привела к тому, что предприниматели с большей готовностью вкладывали капиталы в иные, прежде всего в железодельную и текстильную отрасли производства. В работе отмечается, что именно с последней, как и в большинстве других стран, начался технический переворот в финляндской промышленности. Внедрение паровых машин (с 1844 г.), новейших прядильных и ткацких станков, позволило некоторым фабрикам княжества по своей оснащенности достигнуть уровня аналогичных английских предприятий. В целом с 1850 по 1875 г. выработка хлопчатобумажной продукции, составлявшей 2/3 всего текстильного производства, выросла в Финляндии в 9 раз, количество занятой в ней рабочей силы — вчетверо. Фабрика нанесла решительный удар мелким мануфактурным заведениям Финляндии, однако она долго не могла заглушить крестьянское домашнее ткачество, живучесть которого объяснялась сохранением полупатриархальных условий жизни в самой финской деревне. Лишь к концу XIX в. домашняя крестьянская промышленность почти полностью прекратила свое существование.

С 50-х гг. прошлого века, когда Финляндия оказалась на пороге железнодорожного строительства, создания парового флота, технический переворот происходит в металлургии и механической промышленности. Внедрение пудлингования (1853 г.) позволило все в больших масштабах использовать практически безграничные запасы озерной и болотной руды, что привело к рождению и быстрому развитию нового района финляндской металлургии, расположенного в Восточной Финляндии. На долю заводов этого района уже в 1860 г. приходилось до 76% всего выплавлявшегося в княжестве чугуна, тогда как основным центром по производству различных сортов железа по-прежнему оставалась прибрежная полоса юго-запада страны.

И все же несмотря на то, что названные отрасли промышленности первыми вступили на путь технического прогресса, несмотря на высокие темпы развития, их удельный вес в народном хозяйстве Финляндии во второй половине XIX в. системати-

чески снижался. Стоимость продукции металлопромышленности (от всего производства) упала в 1869—1890 гг. с 27 до 15%, текстильной — с 26 до 12%.

Развитие финляндской экономики во второй половине XIX в. шло под знаком преимущественного роста лесопиления и связанных с ним отраслей производства. Ни текстильная, ни металлопромышленность не могли сравниться с ними по уровню революционизирующего воздействия на экономический прогресс страны в целом, по степени разрушающего влияния на патриархальную замкнутость финской деревни. Начавшаяся после Крымской войны полоса буржуазных реформ в Финляндии, затронувшая в первую очередь сферу экономического законодательства, привела к высвобождению лесопиления от сковывавших его регламентаций: в 1857 г. были сняты запреты на строительство паровых лесопилен, а с 1861 г. — отменены все ограничения в области лесопиления. Постоянно возрастающее потребление леса международным капиталом, чрезвычайно благоприятные условия в самой Финляндии, где до 42% всей площади страны приходилось на высококачественные лесные массивы, а реки давали необходимую энергию и снижали затраты на транспортировку леса из глубинных районов к морскому побережью, обеспечили не только высокие темпы промышленного развития страны, но и предопределили специализацию Финляндии в мировой системе капиталистического хозяйства.

Успехи лесопильного производства Финляндии всецело были связаны с эксплуатацией частных лесов, в значительной мере находившихся в руках финского крестьянства. Это обстоятельство оказало решающее воздействие на вовлечение финской деревни в общий процесс буржуазного развития. Одна из существенных особенностей утверждения капитализма в Финляндии собственно в том и заключается, что замкнутый полупатриархальный мир крестьянского хозяйства был в сильнейшей степени подорван не столько проникновением товарно-денежных отношений в сферу сельскохозяйственной деятельности крестьянина, сколько вовлечением в обращение крестьянского леса.

К концу XIX в. лесопиление становится важнейшей экс-

портной отрасли экономики Финляндии: удельный вес его продукции во всем финляндском вывозе вырос с 29,9% в 1870 г. до 57,6% в 1900 г. В работе приводятся статистические данные о доле государственных лесных массивов в различных районах страны, о количестве лесопилен и занятых на них рабочих, сведения о размерах производства и экспорта лесопильной продукции. Анализ этого материала позволил сделать вывод об экстенсивном развитии финляндского лесопиления, в структуре которого даже в конце XIX в. 48% всего числа предприятий состояло из "водяных мельниц".

Подлинная техническая революция в бумагоделательном производстве стала осуществляться лишь с 80-х гг. XIX в., когда в стране появились первые целлюлозные предприятия. И хотя на долю бумаги и целлюлозы приходилось около 9-10% общего объема финляндского экспорта, названные отрасли промышленности, основанные на новейшей технологии, с высокой степенью концентрации капитала и рабочей силы, с новейшими формами организации производства по сути дела отражали успехи капиталистической индустриализации Финляндии и определяли ее место в ряду промышленно развитых стран Европы.

Оценивая значение перемен, происшедших в финляндской экономике за короткий исторический отрезок времени, в монографии подчеркивается, что лесопильная и целлюлозно-бумажная отрасли промышленности сыграли решающую роль в победе капиталистических отношений в Финляндии. Их стремительное развитие оказало сильнейшее воздействие на разные стороны экономической и социальной действительности страны, вызывая к жизни новые отрасли производства, строительство сухопутных и водных путей сообщения, развитие банков и системы кредитов, усиление миграции населения и т.д. Успехи лесопиления, в той или иной форме втягивавшего в орбиту буржуазного предпринимательства самые различные категории населения - дворян, купцов, промышленников, крестьян, чиновников, судовладельцев и др. - содействовали размыванию сословных перегородок, активно формируя новый облик финляндского общества. Одним из самых значительных результатов

развития лесопиления следует считать подрыв полупатриархального крестьянского мира с беспощадной неумолимостью и в кратчайшие сроки вовлеченного в буржуазные производственные отношения. Прогресс финляндской лесопильной промышленности как крупной, так и мелкой - крестьянской, по существу представлял собой своеобразное развитие капитализма "вширь", тогда как успехи целлюлозно-бумажного производства, пришедшие в основном на начало нынешнего столетия, знаменовали наступление новейшей стадии капитализма.

Как уже отмечалось, промышленное развитие Финляндии во второй половине XIX в., особенно с начала 70-х гг., когда в стране стали быстро утверждаться капиталистические отношения, в значительной мере происходило под воздействием внешнего рынка. Его потребности оказывали влияние не только на темпы промышленного прогресса, но и определяли преимущественное развитие отдельных отраслей производства. В значительной мере их успехи были связаны с огромными возможностями русского рынка, на долю которого приходилось от 40 до 50% внешнеторговых оборотов княжества. Если страны Западной Европы способствовали лишь бурному росту финляндского лесопиления, что объективно вело к односторонней зависимости от них экономики Финляндии, то торговля с Россией содействовала развитию нескольких ведущих отраслей финляндского производства. Так экспорт из Финляндии продукции металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности, стекольного и фаянсового производства, хлопчатобумажных и кожаных изделий направлялся практически только на рынок России. Он влиял на организационные формы хозяйственной деятельности в княжестве, позволял его экономике относительно безболезненно переносить промышленные кризисы и спады производства, имел особое значение для развития Восточной Финляндии, традиционно считавшейся наиболее отсталой областью страны. Способствуя строительству новых путей сообщения, русско-финляндская торговля разрушала изолированность отдельных районов между собой и объективно содействовала формированию общенационального рынка Финлян-

дии и победе капитализма в масштабе всей страны.

В работе впервые в советской историографии рассматривается процесс развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве Финляндии, в связи с чем необходимо отметить, что их быстрая победа в значительной мере была обусловлена непосредственным переходом от полупатриархальной крестьянской экономики к ее качественно новой ступени, соответствовавшей потребностям капиталистического развития страны. Огромная армия безземельного сельского населения, капиталы, полученные в результате широкой торговли лесом, быстрое насыщение новым буржуазным содержанием старых форм организации сельскохозяйственного производства, его ранняя специализация — все это составляло наиболее примечательные стороны, характеризовавшие вступление финской деревни в период капитализма. В работе приводится статистический материал, раскрывающий структуру сельскохозяйственного населения Финляндии и структуру землепользования, количественные данные о соотношении частновладельческих и арендаторских хозяйств и обрабатываемой ими земли, приводится характеристика основных категорий безземельного крестьянства и отмечаются различия в пролетаризации сельского населения применительно к различным районам Финляндии. Аграрный вопрос в Финляндии, сконцентрировавшийся вокруг проблемы торпарства, становится в центр социальной и политической жизни страны с конца XIX в., когда победа буржуазных отношений в полной мере обнажила непримиримость классовых антагонизмов.

Глава вторая. Буржуазные преобразования 60–70-х гг. XIX в.

В главе дается подробная характеристика политической обстановки в Финляндии кануна реформы, когда после поражения царизма в Крымской войне в общем ряду выросших перед ним проблем особое место заняла национальная политика на северо-западной окраине империи. Бессеймовое правление в Финляндии в годы николаевской реакции, которое сопровождалось усилением реальной власти генерал-губернатора, не было нарушено.

ем буквы старых шведских законов, сохранявших свою силу после 1809 г. Но вместе с тем проводившаяся политика "замороженного конституционализма" противоречила духу буржуазных постановлений. И если в первой половине XIX в. оппозиция этому курсу практически себя не проявляла, что было вызвано как слабым развитием самой финляндской буржуазии, так и господствовавшей в княжестве атмосферой политической реакции, то с обострением внутреннего и внешнеполитического кризиса царизма, стали раздаваться голоса о необходимости перемен и в самой Финляндии.

Особенности социально-экономического развития Финляндии накладывали сильный отпечаток на политические процессы в княжестве. Финляндская буржуазия как класс нового общества была еще несомненно слаба. Ее положение в 60-х гг. XIX в. характеризовалось существованием многообразных связей с дворянскими и иными формами землевладения, тесным переплетением собственно буржуазных интересов со стремлением использовать наиболее отсталые стороны социальной действительности финляндского общества, унаследованные от феодализма. Революционность была неизвестна буржуазии Финляндии. Тесный блок с финляндским дворянством накладывал на ее позицию отпечаток умеренности, лояльности по отношению к царской власти, за которой признавались неотъемлемые верховные права в отношении Финляндии. Речь шла не об отрицании этой власти, а о выработке известного компромисса с нею, должного расширить участие местных дворянско-буржуазных кругов в управлении страной. Отсутствие в Финляндии сильных крестьянских выступлений лишало молодую буржуазию (в отличие от ряда западноевропейских стран) ее наиболее естественного союзника в борьбе против остатков феодализма. Это обуславливало верхушечный характер буржуазной оппозиции в княжестве, которая легко могла быть удовлетворена незначительными уступками со стороны самодержавия.

Финская общественно-политическая жизнь не знала ничего подобного той критике самодержавия, которая исходила в России из лагеря революционной разночинной интеллигенции. И все

же, несмотря на это, царизм внимательно следил за всяким изменением общественного настроения в княжестве, стремясь к быстрой нейтрализации каких-либо проявлений оппозиции. События только что закончившейся войны, затронувшей территорию Финляндии, еще раз продемонстрировали ее первостепенное стратегическое значение для обороны русской столицы, неизмеримо возраставшее в случае каких-либо антирусских выступлений Швеции. Откровенно прозападная позиция последней в ходе военных действий союзников на Балтике, существование в шведских кругах реваншистских планов в отношении Финляндии, проявлявшихся как в форме прямых призывов к насильственному отторжению Финляндского княжества от России, так и в виде проектов образования объединенного скандинавского государства — все это вынуждало царизм идти на проведение в Финляндии политики уступок, первые практические результаты которой затрагивали сферу экономической жизни, таможенной политики, землеустроительных дел и т.д. Однако, удовлетворить требования, сводившиеся к либерализации общественной жизни страны, к созыву Финляндского сейма, с деятельностью которого ассоциировались наиболее существенные стороны автономного статуса Финляндии и связывались расчеты на приобщение нарождавшейся национальной буржуазии к управлению экономическими и политическими процессами в стране эти меры, естественно, не могли. И хотя царизм пытался воспрепятствовать всякому обсуждению сеймовых и государственных проблем в Финляндии, в условиях нарастающего в Финляндии недовольства, усиливавшегося внутреннего кризиса в самой России он вынужден был идти на частичные уступки в сеймовом вопросе. Причем мера и характер этих уступок в полной мере соответствовали той степени оппозиции, которая была свойственна либеральным дворянско-буржуазным кругам Финляндии. В связи с этим важно подчеркнуть, что требования о созыве сейма разделялись и в чиновничье-бюрократических сферах княжества, поскольку даже самые умеренные и осторожные их группировки видели в созыве сейма не радикальную реформу, а восстановление института, существование которого было в принципе провоз-

глашено еще в 1809 г., в связи с присоединением Финляндии к России. Все это придавало требованиям о созыве сейма сравнительно широкий размах, который расценивался в правительственных кругах империи как серьезное общественное брожение. В диссертации подробно рассматривается предистория сейма 1863 г., которая является, пожалуй, наиболее показательным примером того политического курса самодержавия в Финляндии, который характеризовался с одной стороны вынужденными по своему существу уступками и стремлением — с другой, сохранить, при первой возможности "все по-старому".

В связи с этим дается подробная характеристика общественно-политической ситуации весной 1861 г., когда царизм созданием выборной комиссии попытался подменить ею финляндский сейм и лишь усугубил этим политическую напряженность в княжестве. В работе отмечается, что выборная комиссия явилась тем катализатором, который содействовал быстрому оживлению общественной жизни в крае и выявил размах политического радикализма оппозиционных сил Финляндии. Изложение конкретной истории апрельских событий (подготовка национального адреса-протеста и проведение в Гельсингфорсе массовой демонстрации) тесно связано с выводом о том, что эти события содействовали отчетливому размежеванию политических сил Финляндии, в основе которого лежал различный подход к финляндской политике самодержавия. Вместе с тем, шаги, на которые вынужден был пойти царизм в вопросе о выборной комиссии и о созыве сейма, свидетельствовали о неспособности правящих кругов в той конкретной общественно-политической ситуации управлять по-старому, хотя центральная власть использовала малейшие возможности для отсрочки созыва сейма. Потребовалось новое обострение как международного, так и внутреннего кризиса самодержавия, вызванного польским восстанием 1863 г., роста недовольства в самой Финляндии, прежде чем была вынуждена очередная уступка со стороны царизма в этом, наиболее остром вопросе политической жизни Финляндии начала 60-х гг.

В диссертации подробно рассматриваются все общественно-политичес-

кие и внутренние факторы, которые оказывали влияние на политическую обстановку в княжестве, характеризовавшуюся расширением идей скандинавизма, деятельностью Герцена, Огарева и Бакунина, угрозой нового военного конфликта России и западноевропейских государств. Анализ программы "дагбладовского сепаратизма", предполагавшей провозглашение собственных внешнеполитических интересов Финляндии, свидетельствует о том, что эта программа в напряженной обстановке 1863 г. нашла приверженцев в различных политических кругах княжества, независимо от их принадлежности к "шведскому" или "финскому" лагерю (расхождения по собственно национальным вопросам еще не были определяющими в расстановке внутривнутриполитических сил страны). Особую остроту всей ситуации в Финляндии по сравнению с апрелем 1861 г. придавал тот факт, что в повестку дня были выдвинуты вопросы, затрагивавшие интересы безопасности северо-западных границ империи. И это происходило в момент, когда международное положение России после Крымской войны было серьезно ослаблено, а некоторые из статей Парижского договора непосредственным образом ущемляли ее позиции на Балтике. В работе подчеркивается, что для царизма, естественно, была совершенно неприемлемой мысль о выводе из Финляндии русских воинских контингентов и о какой-либо самостоятельности княжества во внешнеполитических делах, поскольку этим перечеркивались бы все усилия предыдущих десятилетий по обеспечению обороны русской столицы. Но сложная международная обстановка, продолжавшееся польское восстание, в ходе которого царизм ожидал высадки польских инсургентов в южных районах Финляндии, требовали от него быстрой нейтрализации финляндской оппозиции. Сейм, созыв которого откладывался самодержавием из года в год "из-за несвоевременности момента", должен был стать теперь тем клапаном, который ослабил бы политическую напряженность в княжестве. В июне 1863 г., когда западные державы обратились к Петербургу с коллективным предложением о европейской конференции по польскому вопросу, сопроводив свои ноты рядом ультимативных требований, Александр II вынес

решение о созыве финляндского сейма. Этот вынужденный шаг царских властей содержал вместе с тем и известный тактический расчет, связанный с укреплением в Финляндии той части дворянства и буржуазии, которая, выступая за созыв сейма, не разделяла внешнеполитических планов местных скандинавистов. В итоге ценою уступок в сеймовом вопросе царизм к исходу лета 1863 г. преодолел политический кризис в Финляндии и стабилизировал в ней свои позиции. В работе характеризуется деятельность сейма 1863 г. и определяется его место в общественно-политической жизни Финляндии, развитие которой в последующие два десятилетия проходило под знаком проводившихся буржуазных преобразований.

Буржуазные реформы в Финляндии были предопределены общими закономерностями социально-экономического развития, связанного с переходом от феодализма к капитализму и в этом смысле они являлись органической и составной частью проводившихся преобразований в Российской империи. Вместе с тем реформы в Финляндии во многом отличались от их аналога в метрополии, что объяснялось как особенностями исторического развития Финляндии, так и финляндским курсом самодержавия. Сравнивая обстановку в России и Финляндии накануне реформы, необходимо прежде всего отметить существенные различия в содержании крестьянского вопроса и той роли, которую играло крестьянство в истории буржуазных преобразований. В Финляндии, которая не знала крепостничества и сколь-нибудь крупных крестьянских волнений, в условиях, когда возможности торнарской аренды не были полностью исчерпаны, аграрный вопрос в рассматриваемый период еще не вырос в крупную социально-экономическую и политическую проблему общественной жизни страны. Процесс обезземеливания финского крестьянства со всеми вытекающими отсюда последствиями приобрел широкие размеры лишь после 70-х гг. XIX в., когда в результате лесной горячки в сферу товарно-денежных отношений все в большей мере стали втягиваться крестьянские земли с произрастающим на них лесом, в силу чего, как уже отмечалось выше, аграрный вопрос приобрел острые формы в конце XIX в., в совершенно иной

исторической обстановке.

Среди буржуазных преобразований 60-х гг. центральное место занимала сеймовая реформа, с которой в Финляндских общественно-политических кругах связывались надежды на укрепление и расширение автономного статуса княжества. В связи с этим в диссертации рассматривается первоначальная программа реформы, деятельность созданной комиссией по оценке старых шведских законов, подготовке нового сеймового устава, выработке новой структуры высших правительственных учреждений Финляндии и т.д. Эти первоначальные планы сопоставляются с реальными результатами политики самодержавия, отказавшегося в новой обстановке второй половины 60-х гг. от большинства преобразований в сфере государственно-правовых отношений. Для высших правительственных сфер Петербурга представлялось важным ограничить конституционные поползновения либеральных кругов Финляндии и предотвратить какое-либо ослабление государственной связи империи и княжества.

Поэтому самодержавие было заинтересовано в сохранении старой формы правления, уходившей корнями в XVII в. Она отличалась не только сильно выраженными монархическими принципами, но и целым рядом неясностей юридического характера. Существование последних давало царизму широкие возможности для расширения собственных позиций в Финляндии, тогда как всякое точное определение государственной связи империи и княжества должно было обозначить пределы таковому влиянию. Отказ от новой формы правления сохранял необходимую основу для более полной инкорпорации Финляндии в рамках империи в будущем. Царизм в своей финляндской политике предпочитал (под давлением обстоятельств) идти по пути частных уступок, результаты которых можно было в благоприятных условиях ликвидировать. Именно в этом контексте следует рассуждать и результаты сеймовой реформы 1869 г., которая оказалась единственной из всех планировавшихся в государственно-правовой области преобразований. Устав 1869 г. не внес ничего принципиально нового в сеймовую практику: масштабы представительства на сейме и его полномочия не были

расширены, сохранились привилегии дворянства и высшего духовенства, политические права непривилегированных сословий определялись прежде всего имущественным цензом, лежавшим в основе неравной подачи голосов на самих выборах. Единственное нововведение заключалось в определении периодичности сеймовых заседаний, что создавало известную гарантию продолжения сеймовой деятельности. То повышенное внимание, которое уделялось в Петербурге кодификации финляндских законов и сеймовой реформе, объясняется прежде всего тем обстоятельством, что перемены в этой области могли так или иначе сказаться на реальной власти царизма в Финляндии. Поэтому именно в этой сфере реальное содержание преобразований ограничилось минимальными конкретными результатами.

Более широко принципы буржуазного представительства, основанные на имущественном цензе, были реализованы в реформах сельского и городского самоуправления. В работе рассматривается их содержание, выявляется внутренняя связь с системой сеймовых выборов, вносятся коррективы в оценки, имеющиеся в отечественной литературе. В диссертации подчеркивается, что непоследовательность и противоречивость проведенных преобразований проявилась в частности в сосуществовании различных принципов представительства, которые с одной стороны привели к сохранению сословных перегородок при сеймовых выборах и к их преодолению при форсировании низших звеньев административного управления — с другой. Отмечая консервативный характер сеймовой реформы в сравнении с более последовательными буржуазными преобразованиями в местном самоуправлении Финляндии, можно в полной мере сослаться на слова В.И. Ленина, подчеркивавшего, что сосуществование реакционной центральной власти и сравнительно "демократических" местных учреждений земств, муниципальных правлений и т.п. "объясняется единственно, исключительно тем, что эти местные учреждения занимают безвредное для буржуазного государства "лужением умывальников", водоснабжением ... и т.п. мероприятиями, не способными подорвать то, что называется "существующим общественным порядком".¹

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 12, с.263.

В диссертации рассматривается содержание военной реформы, которая занимала особое место в общем ряду осуществленных в Финляндии перемен. Ее тесная связь с проблемами стратегической безопасности на северо-западных границах государства и автономного положения Финляндии в составе России объясняют то пристальное внимание, которое уделялось данной реформе в высших правительственных сферах страны. В обстановке русско-турецкой войны 1877-1878 гг., нового кризиса самодержавия и распространившихся слухов о возможном выступлении Швеции против России царское правительство, не решаясь на обострение политической ситуации в Финляндии, распространило на нее принципы всеобщей воинской повинности со значительными отступлениями от общеимперского стандарта.

В результате в конце 1878 г. Финляндия получила свои национальные войска, комплектовавшиеся только местными уроженцами и подчинявшиеся генерал-губернатору княжества. Ряд существенных аспектов военного закона был отнесен к разряду "основных законоположений", которые не могли изменяться царским правительством без согласия сейма. Военная реформа, отменившая поселенную систему войск, была, безусловно, явлением прогрессивным. Однако в том виде, в каком она проводилась в Финляндии, реформа имела скорее политическое, нежели военное значение. Финляндские войска, комплектовавшиеся по существенно облегченным (по сравнению с Россией) нормам, по-прежнему были немногочисленными, и в оборонительных планах верховного командования им отводилось второстепенное место. Однако сам факт создания национальных вооруженных сил, а также отсутствие у царя права роспуска этих войск в одностороннем порядке превращали их в общественном мнении княжества в символ и реальное доказательство существования у Финляндии особого государственного статуса. Именно это обстоятельство послужило для реакционных кругов империи главным доводом в их борьбе против каких-либо "конституционных уступок" Финляндии и положило начало ликвидации не только Финляндских войск, но и иных проявлений местной автономии.

В диссертации рассматриваются также преобразования в области экономики и просвещения.

Реформы 60-70-х гг. XIX в., устранив препятствия с пути промышленного прогресса и затронув сферу общественно-политической жизни Финляндии, имели важное значение для ее поступательного движения по капиталистическому пути. Некоторые из проведенных реформ по своему значению выходили за местные финляндские рамки и определенным образом затрагивали различные аспекты общего политического курса самодержавия как в метрополии, так и на национальных окраинах. Это предопределило повышенное внимание правительственных кругов России к сеймовой, военной, монетной реформам, осуществление которых расценивалось в придворных и близко к ним стоявших консервативных сферах как ослабление общегосударственного единства и поощрение национального сепаратизма. Поскольку все проведенные реформы по сути дела носили вынужденный характер, постольку финляндская политика царизма содержала потенциальную угрозу ликвидации этих уступок, что наиболее ярко проявилось в период общего усиления реакции в стране. Борьба финляндской буржуазии за сохранение результатов реформы, тесно переплетающихся с защитой автономных прав Финляндии, становилась таким образом одним из важнейших моментов внутрисполитической жизни княжества на протяжении последующих десятилетий.

Глава третья. Идеология и практика Фенноманского движения.

Глава посвящена рассмотрению проблем финского национального движения, которое оказывало во второй половине XIX в. сильнейшее влияние на все стороны общественной и политической жизни Финляндии. Его развитие, подчеркивается в диссертации, протекало в своеобразных условиях, предопределенных историческим прошлым страны, что в свою очередь наложило неизгладимый отпечаток на характер, движущие силы и программные требования как самого движения, так и фенномании, являвшейся его производным продуктом.

В отличие от большинства европейских государств нацио-

нальное движение в Финляндии имело не одного, а двух противников: царское самодержавие и господствовавшие в стране шведские элементы. Своеобразие ситуации проявлялось в том, что царизм выступал прежде всего как непримиримый враг каких-либо прогрессивных преобразований в политической структуре финляндского общества, тогда как немногочисленные, но влиятельные круги шведского происхождения, монополизировавшие ключевые позиции в экономической, административной и культурной жизни Финляндии, представляли основное препятствие на пути к удовлетворению собственно национальных чаяний финского народа. Естественно, что это не могло не сказаться на характере фенноманского движения, его внутреннем единстве, определении первоочередных задач, подлежащих решению.

Борьба за национальные права, которая во второй половине века вступила в завершающую фазу, совпала во времени с буржуазными преобразованиями, что в свою очередь воздействовало, в зависимости от понимания насущных потребностей общественного развития, раньше или позже на силы в национальном лагере страны.

Финско-шведское противостояние дало царизму возможность активно вторгнуться в сферу межпартийного соперничества и использовать фенноманскую оппозицию для ослабления проскандинавской ориентации в Финляндии. Определявшие политическое лицо национального движения элементы не ставили перед собой национально-освободительных задач и стремились к сохранению государственной связи Финляндии (при некотором развитии ее автономных институтов) с Российской империей.

В основе этой линии лежали прежде всего объективные факторы, которые свидетельствовали о политической и экономической слабости финской буржуазии. Но к ним приспосабливались и тактические расчеты, связанные с конкретными задачами борьбы против шведского господства в княжестве.

В итоге, те общественные группировки, которые руководили фенноманским движением, встали на путь компромисса с царизмом, что, естественно, не могло привести к решению нацио-

нальных проблем в их полном объеме, соответствовавшим задачам буржуазно-демократического развития. Национальный реформизм, пронизывавший всю конкретную историю движения рассматриваемого периода, строил свою стратегию во взаимоотношениях с верховной властью, исходя из соображений "политического реализма", который, принося частные, тактические успехи, не мог все же обеспечить финскому народу действительную свободу национального развития, если под ней понимать не только узкую сферу собственно языковых и просветительских требований.

Противоречивость национально-политической программы заключалась в стремлении финноманов осуществить преобразования в Финляндии при непосредственной поддержке царя, что придавало всем завоеваниям в области национальной автономии крайне неустойчивый характер. Лояльность, верноподданность, законность, характерные для национальной буржуазии, свидетельствовали о ее готовности довольствоваться в своих требованиях той мерой уступок, на которые шла центральная власть. Это не только сужало цели и размах национального движения в Финляндии, но и вело его в конечном итоге в тупик, из которого был лишь единственный выход: перевод национального движения на рельсы массовой борьбы трудящихся.

Но именно этого демократизма более всего опасалась молодая финляндская буржуазия, уже имевшая перед своими глазами грозные уроки Парижской коммуны и многочисленные примеры классовой борьбы пролетариата развитых капиталистических стран Европы. Самодержавие представлялось национальной буржуазии Финляндии самым надежным прибежищем от "разрушительных идей социализма и интернационала". Поэтому, несмотря на то, что в своей практической деятельности руководство национального движения искало поддержки в народных массах Финляндии и выступало от имени "всего народа", на деле оно стремилось ограничить социальную базу движения относительно узким слоем зажиточных сельских и городских собственников, оставляя за бортом политической жизни страны огромную массу безземельного населения деревни и пролетаре-

ких элементов города.

Отмеченная выше непоследовательность и классовая ограниченность фенномании не отрицает тем не менее той исторически прогрессивной роли, которую она сыграла в развитии Финляндии. Фенноманское движение было носителем идей и потребностей нарождавшейся национальной буржуазии. Его идеологи объективно боролись за капиталистическое развитие Финляндии. Борьба за гражданские права финского языка и деятельность по основанию школ, собиранию фольклора и т.п. содействовали росту национального самосознания и была необходимым условием формирования финской буржуазной нации.

В главе дается краткая характеристика финского национального движения в первой половине XIX в. Уже на этом начальном общедемократическом этапе его развития стали выявляться не только различные пути достижения конечных целей, но и формироваться противоположные общественно-политические идеалы. Одни из них отличались приверженностью к консервативно-религиозным устоям замкнутого крестьянского мира, другие — стремлением к политическому пробуждению народа. В целом в условиях николаевской реакции финские национальное движение не выходило за пределы интенсивного сбора свидетельств самобытной народной культуры. Этот этап его становления был исторически обусловлен, ибо он создавал необходимую основу для пробуждения национального самосознания, придавал зарождавшейся идеологии фенномании ощущение обоснованности собственных целей. В связи с этим рассматривается деятельность А.Арвидссона, Э.Леннрота, Финского Литературного общества.

В главе подчеркивается, что национальная идея финнов поощрялась центральной властью лишь в той мере, в какой она способствовала отчуждению Финляндии от ее прежней владычицы — Швеции, ее политического и культурного влияния, традиционно сильного в общественных кругах княжества. Эта задача, стоявшая перед финляндской политикой самодержавия на протяжении почти всего XIX в., определив отношение к фенномании, приходила вместе с тем в противоречие с ее целями в тех случаях,

когда национальная программа финнов выходила за рамки собственно языковых и культурных требований. По мере углубления социально-экономических процессов в Финляндии, усложнения политической жизни общества, с неизбежностью происходила и политизация финноманского движения, в котором самодержавие поддерживало лишь консервативные элементы и выступало в то же время против каких-либо его демократических тенденций.

Но даже стремление сохранить финноманию в наименее опасных для себя рамках, ограниченных специфическими национальными требованиями языка и литературы, уже само по себе заключало для царизма источник противоречия. Вынужденный из-за тактических соображений оказывать ограниченную поддержку финномании, царизм в конечном итоге приобретал в лице финского национального движения противника более могущественного, чем немногочисленные шведские элементы в Финляндии, поскольку тенденцией всякого национального движения было образование национальных государств¹. Но применительно к рассматриваемому периоду органическая связь между политической и национальной общностью, между государственностью и нацией явно себя не проявляла, что объяснялось в первую очередь особенностью исторического прошлого Финляндии и вытекавшими отсюда специфическими чертами финского национального движения. Отсутствие этой связи во многом объясняло позицию, занятую самодержавием в прошлом веке по отношению к финномании в целом и ее лидерам в частности.

В главе подробно рассматривается процесс становления идеологии финского национального движения, связанной с именем И.В.Снелльмана, чья долгая литературная и политическая деятельность оставила заметный след практически во всех сферах общественной жизни Финляндии. В условиях господства политической реакции 40-х гг. она была выражением наиболее левых общественно-политических взглядов того времени. Либерализм Снелльмана обладал исторической перспективой, в силу чего

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.25, с.250.

стал политическим знаменем национальной буржуазии. В диссертации анализируются философские взгляды Снельмана, его программа по национальному вопросу, который рассматривался им как неразрывная часть крупной социальной проблемы, стоявшей перед обществом.

Действительно, если оставить в стороне незначительное шведское крестьянство, проживавшее вдоль Ботнического побережья страны, то границы национального и социального размежевания Финляндского общества во многом совпадали. Поэтому даже в тех случаях, когда руководство Финляндии сужало цели движения до узких рамок языкового вопроса, его решение отвечало интересам не просто подымавшейся нации, а прежде всего интересам широких народных масс Финляндии. Однако по мере того, как развивалась национальная культура и просвещение, утверждались гражданские права финского языка, прежде акцентирование языковой проблемы теряло быстрое социальное содержание. Более того, сохранение за ней доминирующих позиций в программных требованиях конца столетия, когда в общественной жизни уже вполне обнаружили себя противоречия буржуазной действительности, означало постепенный переход лидеров Финляндии на позиции национализма и социального консерватизма, которому были чужды проблемы финского крестьянства.

В своей деятельности Снельман стремился к финнизации образованных слоев общества, дабы таким путем преодолеть ту глубокую пропасть, которая отделяла последних от основной массы народа. Снельман полагал, что наиболее существенной причиной этого отчуждения был разрыв в культурном уровне между подавляющей частью населения и верхушкой общества. Именно поэтому в национальной программе Снельмана вопросы языка как средства распространения культуры и просвещения занимали видное место.

Снельман прежде всего ставил святость и нерушимость закона. Он не был сторонником демократии и всеобщего избирательного права и резко выступал против революции, которая, по его мнению, с неизбежностью должна была вести к на-

силно и падению культуры. Снельман верил в просвещенную личность правителя, который управляет в духе национальных потребностей общества, а следовательно, и в интересах всего народа. Применительно к финляндской действительности Снельман планировал только медленные преобразования, отрицая какую-либо возможность и необходимость давления на высшие сферы. Философские, политические и государственные взгляды Снельмана, тесно переплетавшиеся с его воззрениями по национальному вопросу, и были в конечном итоге той теоретической основой, которая была воспринята финноманией и стала определять основные направления ее практической деятельности.

К оценке Снельмана в истории финского национального движения и его роли в развитии общественной жизни страны следует подходить с полным соблюдением принципов историзма. Деятельность Снельмана в 40-х гг. прошлого века содействовала приходе царивших в княжестве общественных порядков. После революционных и национальных движений 1848 г., в подавлении которых самодержавие принимало активное участие, Снельман начинает строить свою политическую линию во взаимоотношениях с ним на принципах лояльности и верноподданничества. Эта тактика, рассчитанная на достижение личного доверия монарха, должна была обезопасить по его расчетам особый статус Финляндии от покушений и создать необходимые условия для достижения основной цели — решения национального вопроса. Снельман до конца своих дней не сумел преодолеть ограниченность идеалистической философской системы Гегеля. Приверженность к ней в новой исторической обстановке, когда общее ускорение социальных процессов ставило перед теоретической мыслью новые вопросы и требовало нового подхода к разрешению возникавших общественных проблем, была явным анахронизмом и усугубляла политический консерватизм Снельмана, выступавшего не только против социалистических учений современности, но и против буржуазного либерализма 70-80-х гг. в Финляндии.

В главе рассматриваются наиболее существенные проявления общественно-политической жизни Финляндии середины прошлого века. В связи с этим характеризуется публицистическая

деятельность Снелльмана и местных финноманских организаций, анализируется влияние европейских резолюций 1848 г. на финляндскую политику царизма и на его отношение к финноманнии, в оценке которой первостепенную роль стала играть социальная направленность движения. В работе подчеркивается, что удары, обрушившиеся на финское национальное движение в середине столетия, содействовали его быстрой политизации, в результате которой финноманния раскололась на течения, расходившиеся между собой в оценке государственных судеб Финляндии.

В то время как Снелльман, следуя гегелевскому учению, видел главный смысл всех практических усилий в пробуждении национального духа и соответственно этому направлял их к развитию финского языка, то его оппоненты, не отрицая собственно языковых проблем, стремились к переменам в общественно-политической жизни Финляндии. Если местные либералы занимали по отношению к самодержавию как форме правления откровенно критическую позицию, то Снелльман, стремившийся обеспечить условия мирному "созданию" нации, не видел альтернативы лояльному политическому курсу по отношению к царизму. По его мнению, только в составе России (а не Швеции) и только при отрицательном отношении ее правящих кругов к скандинавизму можно было рассчитывать на развитие финноманнии. Поэтому в своей практической деятельности Снелльман выступал против всех акций, которые могли быть расценены как проявление малейшей оппозиции самодержавию, так как они, согласно его взглядам, не отвечали национальным интересам Финляндии. В главе прослеживается процесс быстрого сближения Снелльмана с высшими представителями царской администрации в Финляндии, завершившийся назначением его сенатором местного правительства в марте 1863 г.

Созыв сейма и начавшиеся буржуазные преобразования, общее оживление общественной и политической жизни в Финляндии сказались на характере финноманского движения, которое, по словам его лидеров, становится "государственной партией". Этот период был связан с более широким вовлечением в нацио-

нальную борьбу финского крестьянства, значение которого заметно выросло с возобновлением работы сейма, где четвертое сословие страны было представлено депутатами от состоятельных элементов деревни. Это поставило перед руководством Финномании вопрос о мере крестьянского участия в общественно-политической жизни Финляндии.

Политизация Финноманского движения проявляла себя не только в усиливавшемся интересе и активном отношении к государственным проблемам Финляндии, но и в том, что провозглашенные ранее языковые цели при их внешней неизменности постепенно наполнялись более емким внутренним содержанием. Равноправие финского и шведского языков становилось лишь первым и необходимым условием решения более широких задач, среди которых становление национальной государственности занимало особое место.

С вхождением Снелльмана в сенат к руководству Финноманским движением пришли новые люди. Они стали на долгий период определять не только облик руководящей верхушки движения, но и основные направления его развития, практическую деятельность как в сфере собственно национальных, так и социально-политических устремлений.

В главе подробно анализируются философские, политические взгляды К. Коскинена (1830-1903), его воззрения на существование национальных проблем Финляндии, характера государственной связи с Россией, предпочтительности той или иной формы правления и т.д. Совокупность этих государственно-политических концепций следует рассматривать как составную и неразрывную часть всей идеологии Финномании. Ее ограничение лишь специфическими проблемами языка, культуры и образования, которые преобладают в работах буржуазных историков, ведет не только к сужению предмета исследования, но и к одностороннему смещению акцентов при характеристике сложного и многопланового явления, каким являлось Финноманское движение. При этом важно подчеркнуть, что его конечные цели являлись единственными критериями, определявшими отношение Финноманов к конкретным проектам реформ в целом и государственным пре-

образованиям в частности. Это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на формирование общественно-политического лица фенномании, которая во имя "консолидации и укрепления национального духа" готова была придерживаться даже заведомо консервативных решений, если они содействовали достижению конечных целей движения.

Анализ теоретических положений и практики фенномании позволил сделать вывод о непоследовательности и половинчатости всей ее государственно-политической программы. Объяснение разрыву между теорией и практикой следует искать в исторических условиях развития финского национального движения, определивших его основные цели, а также в конкретных обстоятельствах деятельности самой фенномании, поскольку они непосредственно влияли на выработку ее тактической линии.

В 60-70-е гг. XIX в. специфические национальные требования все еще составляли наиболее важную и существенную часть фенноманских устремлений, по сравнению с которыми все остальные аспекты общественной жизни носили второстепенный характер. Выступая в принципе за практическую реализацию ряда проектов государственно-политического характера, фенноманское руководство в то же время отчетливо осознавало ту грань, за которой требования реформ могли вызвать нежелательные для него осложнения с центральной властью, что неминуемо должно было привести к ухудшению общих условий, в которых фенномания разворачивала свою деятельность "во имя нации". Понимая всю остроту государственных преобразований в Финляндии, особенно в сфере народного представительства и формы правления, лидеры фенноманского движения старались избежать конфронтации с царизмом, дабы уступками в частном сохранить возможность для решения главной задачи. В работе подчеркивается, что отношение лидеров фенноманского движения к проблемам государственно-политической жизни Финляндии находилось в прямой зависимости от общей политической атмосферы, которая царил в княжестве и империи на протяжении рассматриваемых десятилетий.

Слабость сеймового института как такового, а также отсутствие у финноманов в нем прочных позиций объясняют ту тактическую линию, которая была воспринята ими во взаимоотношениях с центральной властью. Но монархизм финноманского руководства не был проявлением лишь тактических расчетов, вызванных соображениями борьбы со своими политическими противниками внутри Финляндии. В монархии виделась не только лучшая гарантия против республиканских форм власти, но и прибежище от опасных теорий социализма и коммунизма, уже известных в Финляндии. Соглашательская линия поведения во взаимоотношениях с самодержавием не могла не привести к политическому банкротству, которое с полной очевидностью обнаружилось в конце столетия.

Что же касается самого народа, от имени которого выступала финномания, то ее лидеры стремились направить его инициативу в безопасное и легко контролируемое русло сеймовых и иных легальных прошений, дабы исключить всякую возможность "прямого действия", квалифицированного Коскиненом как весьма опасное по своим последствиям.

В работе характеризуется деятельность сейма 1877-1878 гг., на котором произошло оформление государственно-политической платформы финномании. Борьба, развернувшаяся вокруг военной реформы и по вопросам народного просвещения, привела к такой расстановке партийных сил, когда впервые в истории Финляндии было преодолено их "языковое" противостояние. И хотя этот отдельный эпизод в условиях продолжавшейся борьбы за гражданские права финского языка не мог еще привести к окончательному преодолению традиционного размежевания группировок в княжестве, он предвлек собой новую расстановку сил, в основе которой лежали не собственно национальные, а политические цели каждой из сторон. В главе подробно анализируется партийная борьба на сейме 1877-1878 гг., отношение финномании к военной реформе, к буржуазным преобразованиям по выборам в городскую курию сейма, когда узкопартийные интересы финноманского руководства привели к защите изжившей себя сословной структуры в политической жизни страны.

Изменения в политической платформе фенномании в рассматриваемый период времени проходили в нескольких направлениях. Несомненен постепенный отход фенноманского руководства от первоначальных относительно широких планов реформирования государственного устройства к более скромным, основанным на "реальностях жизни" задачам, что по сути дела означало примирение фенноманских лидеров с действительностью и отказ от борьбы за прежние идеалы. В связи с этим необходимо отметить, что существующая исследовательская зарубежная литература практически обходит вопрос об эволюции взглядов Коскинена, всячески акцентируя внимание лишь на его приверженности к английским образцам буржуазной парламентарной монархии. В то же время такие стороны его воззрений и конкретной практической деятельности, как монархизм, поддержка охранительных тенденций в политической жизни княжества, противодействие либеральным начинаниям в сфере государственно-правового законодательства и ликвидации сословных принципов в сеймовой практике — все это или предается забвению, или же упоминается в самых общих чертах.

Исследование проблемы не дает также основания для вывода о том, что фенноманское движение являлось выражением классового протеста низов против господствовавшей верхушки общества, поскольку его социальной, а следовательно и политической опорой в провинции являлся состоятельный элемент финской деревни, обладавший полноправием как в местных органах власти, так и при выборах депутатов сословного финляндского сейма.

В деятельности фенномании специфические национальные цели движения все теснее переплетались с его государственными и политическими устремлениями. В главе показывается несостоятельность утверждений буржуазной историографии о том, что так называемая идеалистическая фенномания Коскинена была далека от государственно-политических проблем Финляндии и проявляла к ним полную индифферентность. Эволюция фенноманской практики от "умеренности в государственных делах" (одно из программных заявлений Коскинена в 1863 г.) к пла-

нам создания национального государства с финскими генералами, финскими баронами и финскими губернаторами в 80-х гг. была свидетельством усиливавшейся тенденции, которая вела к изменению в соотношении между языковыми, культурно-просветительскими задачами движения и его государственно-политическими целями.

В главе освещается деятельность финноязычных на поприще науки и просвещения, тесно связанная с общей идеологией движения. Обоснование программных требований опиралось не только на реалии современной общественной жизни, но и выросло из многовековой истории народа. Широкая историческая перспектива была призвана проиллюстрировать развитие мировой идеи, достигавшей высших форм самовыражения в принципе национальности. В связи с этим характеризуются достижения финской исторической науки, подчеркивается ее тесная связь с общественно-политической борьбой в рассматриваемый период времени, отмечается мировоззренческая ограниченность исторических концепций Коскинена. Успехи, достигнутые финноязычными в культурно-просветительской сфере, объясняются тем, что именно в ней в наибольшей мере обнаружилось единство взглядов различных течений и группировок, именно в этой сфере деятельность финноязычных пользовалась широкой общественной поддержкой, которая в известной степени позволила нейтрализовать реакцию в области народного просвещения.

Рубеж 70-80-х гг. явственно обозначил начавшийся процесс размежевания финноязычного движения. В его основе в конечном итоге лежали глубинные изменения, которые произошли в социально-экономической жизни Финляндии на протяжении двух последних десятилетий. К 80-м гг. национальный вопрос в своем языковом аспекте начинает терять злободневность, поскольку финский язык уже проник в различные сферы культурной и общественной жизни страны. В этих условиях прежнее акцентирование языкового вопроса, которое продолжали Коскинен и его ближайшее окружение, было по сути дела уходом от решения социальных проблем и подмены насущных задач общественного развития надклассовыми лозунгами "национального единства".

Поэтому размежевание финноманского лагеря на рубеже 70-80-х гг., которому в главе уделяется большое внимание, отражало наступление нового этапа в развитии самого национального движения Финляндии, для которого было характерно обращение от собственно языковых его аспектов к социальным, политическим и государственным проблемам жизни страны. Традиционная программа финноманского движения, уходившая корнями в первую половину XIX в. и наполненная для своего времени, несмотря на политическую умеренность и клерикализм руководства, объективно прогрессивным содержанием, в новой исторической обстановке не вместила в себя всего многообразия общественно-политических отношений, явившихся результатом развития капитализма в Финляндии.

В заклещении даются общие выводы по исследованной проблеме. Буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX в. в Финляндии, являясь составной частью аналогичных преобразований в России, вели вместе с тем к укреплению местной национальной буржуазии и содействовали росту ее политического сепаратизма. Прогресс буржуазных отношений в Финляндии был непосредственно связан с процессом формирования финской буржуазной нации, вбирающей в себя различные стороны социально-экономического и общественного развития страны. Острота и своеобразие национального вопроса в Финляндии, предопределенные особенностями ее исторического прошлого, привели к тесному переплетению конкретной деятельности финноманского движения с политической партией на финляндской окраине. Стремление центральной власти использовать финноманию в качестве орудия своего политического курса в Финляндии и опасения в то же время какой-либо политизации финского национального движения являлись причиной неровного, противоречивого отношения самодержавия к финномании. Новый этап финского национального движения был связан с выступлением на арену политической борьбы пролетариата Финляндии, который в союзе с русским рабочим классом сумел "создать под боком у черносотенного царя одну из самых демократических конституций всего мира, создать свободные условия для организации рабочих масс Финляндии, неуклонно

стоящих на стороне социал-демократии"¹.

Проблемы диссертации освещены в следующих работах:

1. Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50-70-е XIX в. Л., "Наука", 1979, 13,8 п.л.
2. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX в. (1856-1885). Тарту, 1963, 12,0 п.л.
3. Русско-финляндский таможенный тариф 1858 г. - Вопросы истории. Петрозаводский государственный университет, 1961, № 1, 0,6 п.л.
4. Военно-стратегические аспекты Финляндской политики царизма в 80-90-е гг. XIX в. - Тезисы У Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М., 1971, 0,25 п.л.
5. Финляндия. Исторический очерк с древнейших времен до XX в. - Советская историческая энциклопедия, 1974, Т.15, 1,9 п.л.
6. О месте Финляндии в военно-стратегических планах царизма в 80-е гг. XIX в. - Скандинавский сборник, Таллин, 1976, XXI, 1,0 п.л.
7. Снелльман и финское национальное движение. - Тезисы У Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Л.-М., 1976, 0,25 п.л.
8. Финское историческое общество. - Вопросы истории, 1977, № 5, 0,6 п.л.
9. Финляндия. Исторический очерк с древнейших времен до 1918 г. - Большая Советская Энциклопедия, 1977, т.27, 1,0 п.л.
10. Вопросы сословно-представительного строя в политической деятельности Финляндии второй половине XIX в. - Тезисы У Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1979, 0,25 п.л.
- II. Tsarismi ja republiani 1880 luvulla.- Punalippu, 1975, IX, 0,7 п.л.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 219.

12. Suomi. Historiallinen katsaus. - Helsingin yliopiston historian tutkimus- ja dokumentaatio laitos, 1975, IV, 0,7 п.л.
13. Tsaarismi ja yhteiskunnallispoliittinen liike Suomessa 1880-90 luvuilla. - Historiallinen Arkisto, 1975, 69, 1,3 п.л.
14. 1860-70 lukujen porvarilliset reformit Venäjällä ja Suomessa. - Historiallinen Arkisto, 1980, 75, 2 п.л. (в соавторстве с П.Г.Рындзинским).
15. Буржуазные реформы 1860-1870-х гг. в России и в Финляндии. - Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700-1917. Л., "Наука", 1980, 2 п.л. (в соавторстве с П.Г.Рындзинским).